

"Я не обсуждаю вопрос о том, что будет, я обсуждаю вопрос о рисках"

*Директор Института экономики переходного периода **Егор Гайдар** проработал в российском правительстве всего около года, однако именно он считается «отцом российских реформ», которые вот уже полтора десятилетия определяют основные направления развития отечественной экономики.*

Каковы экономические перспективы России на 2006 год? Какие актуальные экономические риски существуют в текущем периоде? Есть мнение, что накопленный ресурс позволит в ближайшие несколько лет успешно управлять ситуацией и избежать серьезных кризисов. Что дает основания для подобных утверждений?

Состояние бюджета. Достаточно ответственная и консервативная финансовая политика предшествующих лет. То, что этот период высоких цен на нефть мы прошли без бурной экспансии бюджетных обязательств. По крайней мере, до 2006 года. Накопленные резервы, которые многократно превышают резервы Советского Союза в лучшие годы. Все это создает задел прочности на ближайшие два-три года. Разумеется, речь идет именно о двух-трех годах. Советский Союз в 1985 году имел безупречный валютный рейтинг. И мог привлекать кредитные ресурсы практически в неограниченных масштабах. После того как цены на нефть упали в шесть раз, это помогло ему ровно на три года. С 1988 года ситуация стала очевидно неуправляемой. Сегодня мы находимся в более комфортном положении. Мы уже не являемся крупнейшим в мире импортером зерна. В этой связи каждодневная жизнь не зависит от краткосрочных колебаний платежного баланса. Российская экономика куда более гибкая по сравнению с советской. Но все это, разумеется, не избавляет нас от рисков в более длительной перспективе, которые существуют у всех стран, зависящих в значительной степени от колебаний сырьевых

рынков, в том числе и таких развитых и таких богатых, как, скажем, Норвегия. Здесь мы сталкиваемся со сходными проблемами.

Срок в два-три года, который вы даете, как-то связан с истекающим сроком полномочий действующего президента?

Это просто фон. Мы не видим серьезных факторов риска для дестабилизации экономической ситуации в России до 2008 года. Разумеется, это не означает, что их вовсе нет. Мы в первую очередь анализируем факторы риска, связанные с состоянием бюджета, нефтяного рынка, нефтяных доходов и платежного баланса. Есть и такие факторы, которые, к счастью, не реализовались в эту зиму. Они связаны с объективными ограничениями мощностей инфраструктуры. Скажем, добыча газа на крупных месторождениях, мощности электроэнергетики. Это дополнительный самостоятельный фактор риска.

Что касается нефтяной отрасли, то какова нижняя допустимая планка мировых цен?

Четыре-пять лет назад российский бюджет, российский платежный баланс довольно легко прошел бы без серьезного кризиса падение цен на нефть до уровня существенно более низкого, чем средний многолетний. Средний многолетний уровень цен на нефть — это, грубо говоря, 20 долларов за баррель. Это за последние 150 лет. Цены колебались сильно вокруг этого уровня, но в целом за полтора столетия держались довольно близко к нему. За исключением нескольких крупных подъемов и крупных падений. В общем, мы могли бы довольно легко пройти период, когда цены были бы на пять долларов ниже средней многолетней цены. И даже адаптироваться к периоду аномально низких цен. Таких, какие бывали, скажем, в 1986 и 1998 годах. С 1986 года начинается история краха советской экономики. 1998-й — это период финансового кризиса. В 1986 году цены упали гораздо более резко, почти в шесть раз в тысячном исчислении. И тогда Советский Союз развалился. В 1998-м — в 2,1 раза. Тогда мы получили финансовый кризис. Так вот — в 2000–2001 годах мы вполне были способны без серьезного кризиса адаптироваться к подобного рода аномалиям. Сегодня, к сожалению, российская экономика стала вновь более уязвимой. Даже падение цен до уровня существенно более высокого, чем среднеисторический, скажем 25 долларов за баррель, создает в перспективе трех-четырёх-пяти лет очень серьезные риски. До 2008 года они не реализуются просто в силу накопленных валютных резервов, Стабилизационного фонда и так далее. Но с 2009–2010 года падение цен до такого уровня, который все равно куда выше того, что можно было наблюдать на протяжении 150, 100, 50, последних 20 лет, создает серьезные риски.

И каковы, с вашей точки зрения, варианты предотвращения вероятного экономического кризиса?

Первое и самое главное: надо понимать угрозу. Второе: то, что делают правительство и Центробанк в последние годы, свидетельствует о том, что некоторые уроки из краха Советского Союза были извлечены. Советский Союз никогда не создавал серьезных валютных резервов. Валютные резервы он всегда рассматривал как способ организации текущего торгового оборота. А когда столкнулся с непредсказуемой динамикой рынка нефти, оказался перед лицом неразрешимой проблемы. Мы в последние годы создали крупные валютные резервы. Если брать их как долю ВВП — сопоставимые с теми, какими располагает, скажем, Китай. С экономической точки зрения у нас гибкий валютный курс, что является важным элементом способности экономики адаптироваться к неблагоприятным внешним факторам. Беда в том, что здесь экономика и политика расходятся. С экономической точки зрения ослабление курса рубля как реакция падения цен на нефть (если такое случится, мы же обсуждаем вопрос о вероятных рисках) — абсолютно разумная политика. Ответственная политика. И я убежден, что в 2000–2001 годах мы бы именно так и поступили. Но накануне парламентских и президентских выборов не думаю, что этот метод будет востребован. А это создает факторы риска. Потому что одно дело — развиваться достаточно плавно и спокойно при наличии валютных резервов, позволяющих полностью контролировать колебания курса рубля в условиях падения цен на важнейшие экспортные ресурсы. А другое — когда вы тратите все ресурсы на поддержание курса, который в новых условиях оказался нереалистичным. Как только кончаются резервы, происходит крушение. Вот этот сценарий мне кажется наиболее неблагоприятным.

То есть 2008 год может стать своеобразным критическим рубежом для страны, когда вероятна возможность активизации именно такого сценария?

Еще раз подчеркну, я не обсуждаю вопрос о том, что будет, я обсуждаю вопрос о рисках. К чему надо быть готовым, если ты проводишь ответственную экономическую политику. Прогнозировать цены на нефть на три года вперед никто в мире не умеет. Это просто такая своеобразно устроенная отрасль, настолько своеобразно устроенный рынок, что прогнозировать цены на его продукцию, как показывает опыт, пока невозможно. Может быть, когда-то люди научатся это делать. Но пока они осознают, что этого не умеют. А если ты не владеешь подобным навыком, то должен быть готов к любому варианту развития событий.

Насколько велика вероятность банковского кризиса? Какие риски есть в этой сфере?

Здесь опасность в том, что крупные государственные компании, особенно те из них, что связаны с топливно-энергетическим сектором, являются крупными заемщиками на мировых рынках финансовых ресурсов. Посредником здесь является банковская система — частично международная, частично отечественная. Текущие доходы этих компаний зависят от такого трудно прогнозируемого фактора, как цены на нефть и газ. Когда и если накапливаешь крупные обязательства в иностранной валюте, а цены на тот ресурс, который обеспечивает тебе поток финансовых доходов, которыми ты расплачиваешься по этим кредитам, непрогнозируемы, ты сталкиваешься с двойной угрозой. Когда и если цены на этот ресурс падают, возникают две симметричные проблемы. Первая — исчезает поток доходов, которыми ты оплачиваешь ранее взятые кредиты и проценты по ним. Вторая — для тебя закрываются кредитные рынки. Когда цены на нефть такие, как сейчас, наши нефтяные и газовые компании могут занять на мировом рынке почти столько, сколько им заблагорассудится. А вот когда и если цены на энергетическое сырье резко упадут, то выяснится, что они не могут занять ничего и ни под какие проценты. То есть надо отдавать долги из текущих доходов, которые резко падают. И здесь существует риск сценария, когда ты вынужден резко сокращать текущие расходы, капитальные операции, когда резко падает добыча, когда тыходишь в порочный круг, в который некогда вошла нефтяная промышленность Советского Союза. И этот риск надо осознавать. В том числе выстраивая стратегию заимствований.

А насколько сегодня остра конкуренция российских и иностранных банков?

Такая конкуренция есть, но это не проблема. То, что в Россию приходят иностранные банки, здорово. Это важный фактор улучшения качества банковского обслуживания. Российские власти долго не знали, что делать с монополией Сбербанка на рынке розничного кредитования. Приватизировать его было нельзя в силу очевидных государственных обязательств. Разделить тоже. А конкурировать с ним мало кто был способен. Всегда подразумевалось, и это была чистая правда, что за Сбербанком — написано это в законе или нет, но это политическая реальность — стоят политические обязательства. Ну как конкурировать с таким банком? Приход в Россию, скажем, Citibank — это создание реальной конкуренции на рынке розничных банковских услуг. Это знак появления шансов на повышение качества банковского обслуживания. Свидетельство усиления конкуренции в этом секторе.

Не проходит и года, чтобы кто-то из экспертов не заговорил об угрозе нового дефолта. Как вы оцениваете подобную угрозу в 2006 году? Никакой угрозы дефолта в краткосрочной перспективе не существует. У государственных компаний нет короткого долга. Нет серьезных рисков, связанных с невыполнением Россией своих финансовых

обязательств. В среднесрочной перспективе скорее речь может идти не о дефолте по российским государственным обязательствам, а о проблемах с финансовым обслуживанием, с финансированием долгов крупных отечественных государственных компаний. Я не вижу этого риска в ближайшие два-три года, но стратегически — да, это угроза, которую надо иметь в виду.

Хотелось бы немного поговорить о возможностях использования средств Стабилизационного фонда. Существует некий проект по его трансформации в фонд будущих поколений путем интегрирования пенсионной реформы. Какие здесь перспективы?

Такой проект действительно существует, но пока решение по этому поводу не принято. Мне набор соображений, связанных с этим, нравится. Но так как он пока не носит публичного характера и обсуждается скорее за закрытыми дверями, я бы предпочел его не комментировать.

Если вернуться от среднесрочных перспектив ко дню сегодняшнему, какие основные проблемы нам достались в наследство от 2005 года и какие из них предстоит решить прежде всего?

Высокая инфляция и инфляционная инерция. Да, инфляция в 10,7% — это совсем не то, что в сотни процентов. Понятна ее база. Это, конечно, высокие цены на нефть, сильное сальдо платежного баланса, которые лишь частично компенсируются увеличением стабилизационного фонда. Ограниченная способность экономики принимать поток доходов, необходимый для стерилизации потока валют, который приходит в страну на фоне экстремально высоких цен на нефть. Надо понимать, что это факторы дискомфорта и риска. Это создает нестабильный фон для экономической деятельности и недостаточно высокие темпы роста инвестиций. Они довольно высоки по мировым стандартам. Сказать, что 9–10% в год мало, было бы неправильно. Только дело в том, что российские потребности в инвестициях после длинного периода инвестиционного голода, связанного с крахом советской экономики, потом с тяжелым периодом рецессии, создали очень большой спрос на инвестиции. И поддержать нынешние темпы роста в районе 6–7% ВВП, имея темпы роста инвестиций всего 9–10% ВВП, к сожалению, невозможно. И здесь, конечно, ключевая проблема — это права собственности. И все, что происходило с правами собственности последние три года, мало помогало обеспечению устойчивых темпов роста.